

НОВЫЕ КНИГИ

Ю. Ю. Белова

Парадоксы пересечения легальности, нелегальности и легитимности в архитектуре рынков

Рецензия на книгу: Beckert J., Dewey M. (eds) 2017. *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.¹

БЕЛОВА Юлия Юрьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: ybelova@hse.ru.

С развитием капиталистических отношений происходит размывание границ незаконности на рынках товаров и услуг. Нелегальность становится всепроникающей и приобретает всё более изолированные связи с формальной легальностью и социальной легитимностью. Одновременно через поддержание институционального разрыва между формальными и неформальными правилами усиливается роль государства в становлении нелегальных рыночных обменов. В связи с этим книга «*The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*» («Архитектура нелегальных рынков. На пути к экономической социологии нелегальной экономики») развивает нетривиальную исследовательскую задачу для современной экономико-социологической парадигмы. Её авторы показывают размытость границ между явлениями легальности и легитимности, затрагивая вопросы соблюдения неформальных правил (в том числе в рамках формальных институтов), упорядочивающих нелегальные рынки. Цель данной рецензии состоит в демонстрации множественности пересечений легальности и легитимности в точках их взаимопроникновения, описанных через метафору интерфейсов, составляющих сущность архитектуры нелегальных рынков. В рецензии затронуты наиболее важные темы, которые поднимаются авторами сборника при описании своего исследовательского опыта: типы и компоненты нелегальности на рынках товаров и услуг, оспаривание границ между легальностью, нелегальностью и легитимностью, роль государства в становлении нелегальности на рынках. Делается вывод, что книга даёт представления о ландшафте нелегальности, которая рассматривается в тесной связи с явлениями легальности и легитимности. Исследования авторов выходят за рамки рассмотрения явления незаконности и расширяют понимание других составляющих неформальной экономики.

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук (проект МК-6274.2018.6). Автор благодарна В. В. Радаеву за любезно предоставленную книгу для подготовки данной рецензии и рекомендации по её доработке, а также признательна З. В. Котельниковой и У. С. Захаровой за важные комментарии к тексту рукописи.

Ключевые слова: нелегальность; нелегальный рынок; неформальная экономика; легитимность; рынки; легальность.

Введение

Рецензируемая книга представляет собой сборник трудов международной конференции «Интерфейсы легальности и нелегальности на рынках», состоявшейся 5–6 февраля 2015 г. на базе немецкого Института изучения обществ им. Макса Планка в Кёльне [Котельникова 2015: 101]. Редакторами сборника являются организаторы этого события — профессор Й. Беккерт и его коллега М. Дьюи. Название книги отсылает к понятию «архитектура рынков», предложенному Н. Флигстином [Флигстин 2013]. В книгу входят введение, пять частей и 14 глав, в которых освещаются различные аспекты архитектуры нелегальных рынков, разрабатываемые в исследованиях участников конференции из ведущих мировых университетов (Институт изучения обществ им. Макса Планка, Университет Париж–Сорбонна, Университет Глазго, Высшая школа экономики, Кардиффский университет, Оксфордский университет и др.). Замысел сборника трудов, как и самой конференции, состоит в восполнении области экономико-социологических исследований знаниями о социальных аспектах организации нелегальных рыночных обменов, обогащении новым пониманием взаимосвязей между легальными и нелегальными рынками и роли легитимности в их воспроизводстве. Книга призвана расширить представления не только об интерфейсах между легальностью, нелегальностью и легитимностью, но и о типах нелегальности на современных рынках товаров и услуг. Это важно постольку, поскольку внутри научного сообщества пока не существует единых представлений о различиях между формами и системами нелегальной деятельности, наблюдается путаница в использовании тех или иных понятий так, что одни типы рынков подменяются другими.

В сборнике производится переход от рассмотрения концептуальных основ архитектуры нелегальных рынков к демонстрации их эмпирического подтверждения. Так, во введении и в первой части книги Й. Беккертом, М. Дьюи («Introduction. The Social Organization of Illegal Markets» — «Введение. Социальная организация нелегальных рынков», р. 1–34) и Р. Майнц («Illegal Markets. Boundaries and Interfaces between Legality and Illegality» — «Нелегальные рынки. Границы и интерфейсы между легальностью и нелегальностью», р. 37–47) теоретически обосновываются и уточняются понятия, из которых исходят авторы. В следующих частях на примере различных типов рынков анализируются результаты преимущественно эмпирических исследований. Ф. Штайнер («Secrecy and Frontiers in Illegal Organ Transplantation» — «Секретность и границы криминальной трансплантации человеческих органов», р. 51–69), опираясь на широкую законодательную базу и изучение трёх случаев, связанных с незаконными операциями по пересадке органов, приходит к выводу, что секретность способствует пересечению границы легального и нелегального, а её осмысление даёт лучшее понимание незаконных транзакций. Глава С. Маккензи и Д. Ейтс («What Is Grey about the “Grey Market” in Antiquities?» — «Что серого в «сером рынке» антиквариата?», р. 70–86) основана на результатах эмпирических исследований рынка культурных ценностей, освещённых в других публикациях, содержит классификацию и теоретический анализ выявленных «серых зон». В центре внимания М. Одабах, Т. Холта и Р. Брейгера («Governance in Online Stolen Data Markets» — «Структуры управления на онлайн-рынках похищенных данных», р. 87–107) — анализ структуры управления и взаимодействия на онлайн-рынках похищенных персональных данных, основанный на предыдущих эмпирических исследованиях авторов. Обобщая свой исследовательский опыт, они делают вывод о высокой роли механизмов создания доверия между анонимными участниками интернет-кражи личной информации. Р. Палан («Futurity, Offshore, and the International Political Economy of Crime» — «Экономика будущего, офшорные зоны и международная политическая экономия преступлений», р. 108–120) сосредотачивается на организационных схемах ухода от налогов и объясняет участие организованной преступности в «легализации» бизнеса через использование офшорных зон. Автор предполагает, что криминальные организации работают над до-

ступом к «экономике будущего». М. Дьюи («State-Sponsored Protection Rackets. Regulating the Market for Counterfeit Clothing in Argentina» — «"Крышевание" незаконного бизнеса. Регулирование рынка контрафактной одежды в Аргентине», р. 123–140) на примере этнографического исследования аргентинского рынка одежды «La Salada» описывает механизмы «крышевания» чиновниками и силовиками нелегального бизнеса, выгодного как его непосредственным участникам, так и государству. По результатам анализа 109 глубинных интервью, собранных в течение семи месяцев погружения в поле, автор приходит к выводу, что рынок находится под прикрытием государства и являет собой сердце неформальной экономики страны, обогащая в том числе соседние страны. К. Эндрес («Shoddy, Fake, or Harmful. Smuggled Goods and Entangled Illegalities in a Vietnamese Border Market» — «Фальсифицированные, контрафактные или вредные. Контрабандные товары и оспариваемая нелегальная деятельность на пограничном рынке Вьетнама», 141–155), опираясь на этнографические интервью с участниками вьетнамского центрального рынка провинции Лао Цай, описывает особенности системы взяток и неформальных договорённостей, сложившихся между акторами сделок на границе между Вьетнамом и Китаем. Результаты исследования показывают, что, несмотря на возможность действовать в обход законов, торговцы находятся в ситуации неопределённости и зависят от произвола чиновников. Исследование С. Диуна («Making the Medical Marijuana Market» — «Создавая рынок марихуаны, применяемой по медицинским показаниям», р. 159–176), основанное на интервью с создателями рынка марихуаны, используемой в медицинских целях, формирует представление о причинах и принципах функционирования неформальных рыночных институтов, содействующих поставкам наркотика пациентам со СПИДом. Автором делается вывод, что легитимация и узаконивание этих институтов связаны с их позиционированием как вынужденной меры для облегчения телесных страданий умирающих людей. А. Хёбшле («Contested Illegality. Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn» — «Социально оспариваемая нелегальность. Анализ последствий запрета торговли рогами носорогов», р. 177–197) на примере последствий запрета торговли рогами носорогов демонстрирует сохранение легитимности ставшего нелегальным рынка. Результаты проведённых интервью говорят о том, что участники рынка рога носорога оправдывают свои действия, предполагая нелегитимность запрета. Н. Энгвихт («We Are the Genuine People. Legality and Legitimacy in the Sierra Leonean Diamond Market» — «Мы — настоящие люди. Легальность и легитимность на рынке алмазов в Сьерра-Леоне», р. 198–217) в главе о нелегальной алмазной экономике Сьерра-Леоне показывает связь слабости государства и развития нелегальных рынков. Основываясь на интервью с алмазодобытчиками, торговцами, экспортёрами, чиновниками, представителями некоммерческих организаций (НКО) и журналистами, а также на наблюдениях, сделанных в процессе полугодового полевого исследования, автор утверждает, что нелегальный алмазный рынок легитимирован как на уровне его непосредственных участников, так и на уровне государства. Исследование В. Радаева («A Crooked Mirror. The Evolution of Illegal Alcohol Markets in Russia since the Late Socialist Period» — «Королевство кривых зеркал. Эволюция нелегальных рынков в позднесоветской России», р. 218–241) посвящено эволюции и структуре рынков домашнего, контрафактного и неучтённого промышленного алкоголя в России, нелегальность производства которых имеет разные основания. Основываясь на статистических, экспертных и опросных данных, полученных от 14 968 респондентов, автор демонстрирует как по мере смены исторических этапов осуществляется комбинация алкогольных рынков и происходит непрерывное изменение границ между легальным и нелегальным, легитимным и нелегитимным. Согласно выводам автора, нелегальные рынки алкоголя чувствительны к экзогенным политическим и экономическим шокам. Л. Паоли и В. Гринфилд («The Supply of Doping Products and the Relevance of Market-Based Perspectives. Implications of Recent Research in Italy» — «Предложение допинговых товаров и применимость рыночного подхода. Результаты недавних исследований в Италии», р. 245–267), используя данные расследований отделения по борьбе с фальсификацией продуктов питания (Nuclei Anti-Sofisticazione — NAS), анализ документов и интервью с 26 сотрудниками NAS, семью прокурорами, политиком и экспертом по антидопингу, пишут о природе поставок допинговых продуктов в Италии. Авторы приходят к заключению, что рынок допинга является квазинелегальным и имеет контекстуальную специфику. Исследование Б. Самуэля («Illegal Prices. The Social Contestation of

High Living Costs in Guadeloupe and Mauritaniar» — «Незаконные цены. Социальное оспаривание высокой стоимости жизни в Гваделупе и Мавритании», р. 268–285) посвящено изучению оснований социального недовольства незаконными рыночными практиками в Мавритании и Гваделупе. Анализируя государственную реакцию на протестное поведение, автор приходит к выводу, что власти в сильной степени связаны с незаконными рынками, а социальные изменения обусловлены динамическими характеристиками интерфейса легальности и незаконности. Заключительная глава Р. Тиллмана («The Price Is Not Right. Financialization and Financial Crime» — «Цена — это не право. Финансализация и финансовые преступления», р. 286–304) формирует представления о росте зависимости государств от индустрии финансовых услуг и о масштабах финансовой преступности. Опираясь на три тематических исследования, автор демонстрирует, как использование несоответствий и пробелов в правилах на рынках финансовых услуг приносит прибыль их заинтересованным участникам.

Типы и компоненты незаконности на рынках товаров и услуг

В самом начале книги Й. Беккертом и М. Дьюи (р. 1–34) предпринята попытка экономико-социологической концептуализации незаконных рынков как арен регулярного коммерческого обмена товарами и услугами в условиях конкуренции, где продукты, их потребление и операции с ними в той или иной степени нарушают правовые нормы. Авторы акцентируют внимание на том, что упомянутые арены не состоят полностью из незаконных элементов, а могут лишь включать некоторые аспекты незаконности, встроенные в том числе в легальную рыночную организацию. Авторы опираются на типологию незаконности на рынках (см.: [Wehinger 2011; Beckert, Wehinger 2013]), которую можно оценить как весьма нетрадиционную. Во-первых, под ярлыком незаконности она объединяет в том числе легальные, внезаконные и полузаконные (теневые) формы хозяйственных операций. Таким образом, теневой рынок классифицируется как часть незаконного, а не наоборот. Кроме того, типология охватывает ряд явлений — от незаконных манипуляций с запрещенными предметами до законных рыночных операций с незапрещенными товарами, сопровождающихся нарушениями каких-либо правил (при этом необязательно связанных с угрозой безопасности, здоровью и жизни людей). Во-вторых, типология фокусируется не только на самой деятельности, но и на её результатах (типах продуктов и услуг). М. Антеби в своей рецензии на эту же книгу отметила полезность типологии, связанную с вниманием к тому, что именно является незаконным (продукт, потребление, торговля) [Anteby 2018]. Важно, что на эмпирическом уровне та или иная сделка может интерпретироваться как незаконная с позиций нескольких типов одновременно. Й. Беккертом и его коллегами всего выделено пять таких типов:

- незаконные операции с незаконными товарами и услугами (наркотики, детская порнография, детская проституция и т. п.), составляющие незаконные рынки;
- незаконные операции с легальными продуктами (украденные автомобили, антиквариат, произведения искусства и т. п.) как на незаконных, так и на легальных рынках;
- незаконные операции с контрафактными товарами и другими подделками (произведения искусства, алкоголь, лекарственные препараты, одежда и т. п.) как на незаконных, так и на легальных рынках;
- незаконные операции с легальными продуктами как на незаконных, так и на легальных рынках (торговля человеческими органами, усыновление и суррогатное материнство);
- легальные операции с легальными товарами и услугами, допускающие разнородные нарушения на легальных рынках (уход от налогообложения, экспорт алмазов без сертификата, отсутствие документации, нарушение стандартов безопасности).

Авторами отмечается, что легальность товаров, услуг и сделок с ними имеет культурно-историческую обусловленность, а её степень сильно варьируется в цепи поставок и имеет различную очевидность для разных групп участников рыночного обмена. Отсюда вытекают компоненты архитектуры нелегальных рынков, описанные Й. Беккертом и М. Дьюи: моральное оправдание нелегальной деятельности, производство секретности, отсутствие прозрачности вкупе с отсутствием гарантий, информационная асимметрия о качестве продуктов и услуг. Те или иные компоненты представлены в каждой из 14 глав книги, а соответствующие главам исследования расширяют представления об относительности этих компонентов. На примере рынка культурных ценностей, анализируемого С. Маккензи и Д. Ейтс (р. 70–86), можно проследить одновременное сочетание всех перечисленных Й. Беккертом и М. Дьюи компонентов нелегальности. В результате рынок культурных ценностей рассматривается как пример легитимного нелегального «серого» рынка, содержание которого не может быть оценено ни с точки зрения законодательных, ни с точки зрения моральных норм. Высокий уровень секретности нелегальных рыночных обменов демонстрируется Ф. Штайнером на примере рынка человеческих органов, где наблюдается значительный разрыв в степени осведомлённости о незаконных транзакциях покупателями трансплантантов (р. 51–69). Кроме того, подобные сделки крайне непрозрачны и практически не поддаются контролю, поскольку потенциальные пациенты, пересекая границы государств с различным уровнем регулирования нелегальной деятельности, преодолевают правовые барьеры. Рынок человеческих органов отличается внушительной коррупционной и криминальной составляющей, где законные сами по себе предметы становятся объектом незаконных рыночных сделок и преступных махинаций.

Несмотря на присутствие криминальной и коррупционной составляющих на нелегальных рынках, по мнению Р. Майнц (р. 37–47), эти рынки всё же следует отличать от конкретных типов преступных систем. Во-первых, нелегальностью обозначается не только несоответствие правовым нормам, но и их нарушение, когда для осуществления рыночной деятельности используются законодательные пробелы. Во-вторых, в отличие от коррупционных преступлений и финансовых афёр, представляющих собой отдельные действия и взаимодействия, нелегальные рынки состоят из рыночных сделок. В-третьих, нелегальные рынки отличаются от террористических группировок, организованной преступности и мафии по жёсткости организационной структуры, преследуемым целям и по уровню применяемого физического насилия. Так, на подвижных экономическим мотивом нелегальных рынках практически не применяется физическое насилие, поскольку рыночные сделки добровольны. Террористические группировки, напротив, имеют политический мотив и производят насильственные действия, а прибыль используют для финансирования собственной политической деятельности. В случае организованной преступности соединяются экономические интересы и высокий уровень физического насилия. В свою очередь, мафиозные организации преследуют экономические выгоды и имеют политические мотивы, а также монополизуют несколько видов нелегальных рынков на конкретной территории. По мнению Р. Майнц, различие «незаконного» и «преступного» помогает лучше понять отличия между нелегальными рынками и преступными системами. Так, далеко не все незаконные действия на нелегальных рынках нарушают уголовное законодательство, однако для организованной преступности, мафии и террористических организаций это является определяющей характеристикой. Таким образом, если исходить из того, что всякая криминальная деятельность связана с уголовными преступлениями, то, действительно, следует аналитически различать криминальную и нелегальную деятельность.

Итак, в дополнение к уже сказанному отметим: подход, которого придерживаются авторы книги, подразумевает, что нелегальность полностью не отождествляется с криминальностью и имеет расширительную трактовку, отчасти сопоставимую с понятием «неформальная экономика» и даже в некоторых моментах выходящую за пределы этого термина. В свою очередь, Р. Майнц утверждает, что только легитимная нелегальность может концептуально совпадать с неформальной экономической деятельностью, при этом понятие «неформальность» шире, чем понятие «нелегальность», поскольку включает

весь спектр и законных, и незаконных действий. Понятие «неформальная экономика» весьма противоречиво, поэтому было бы справедливо уделить ему на страницах книги больше внимания, что расширило бы возможности демонстрации размытости границ между сегментами и позволило увеличить разнообразие интерфейсов, которые предлагаются для обозначения пограничных явлений, связанных с нелегальностью.

Оспаривание границ между легальностью, нелегальностью и легитимностью

Продолжая экономико-социологическую концептуализацию нелегальности в архитектуре рынков, Р. Майнц останавливается на понятии «интерфейс», с помощью которого производится оспаривание границ между явлениями формальной легальности и социальной легитимности, в том числе на уровне действий и социальных систем. Во-первых, эти интерфейсы возникают на стыке противоположных аспектов легальности и легитимности и именуется как амбивалентные. Во-вторых, интерфейсы могут представлять собой «серые» зоны, которые не идентифицируются ни с позиции норм морали, ни с позиции норм права. В-третьих, интерфейсы фиксируют динамику легальности и легитимности, обнаруживая перемещения между ними. В то же время интерфейсы представляют собой реальные социальные явления, которые могут быть установлены эмпирическим путём. В подтверждение этой идеи в последующих главах авторами демонстрируется оспаривание границ между легальностью, нелегальностью и легитимностью уже на конкретных результатах эмпирических исследований.

По результатам исследований авторы указывают на зависимость интерфейсов от тех или иных контекстов, территорий и времени. Л. Пайоли и А. Гринфилд демонстрируют, как законно произведённые медицинские препараты выступают в качестве незаконного допинга, а действия врачей, применяющих их, могут быть квалифицированы как законные или незаконные в зависимости от потребностей клиентов (повышение конкурентоспособности или терапевтические эффекты) (р. 245–267). Кроме того, приводятся любопытные примеры, когда нелегальность может быть очевидной для одних людей и скрыта от других. Например, нелегальность чрезвычайно латентна в результате конвертации нелегального в легальное в процессе достижения конечного потребителя (легальные ювелирные украшения с незаконно добытыми бриллиантами, украденные артефакты, продающиеся в зарекомендовавших себя антикварных бутиках, или нелегально произведённый оригинальный алкоголь). Дело в том, что на разных этапах цепи поставок может меняться степень легальности товаров, услуг или действий с ними, в том числе за счёт различных фиктивных операций. Авторами этой работы затронута область фиктивной экономики, которая выполняет инструментальную функцию по отношению к обеспечению нелегальной деятельности.

Ф. Штайнером убедительно, с точки зрения конвертации нелегального в легальное, показана территориальная относительность границ нелегальности трансакций с человеческими органами (pp. 51–69), а С. Маккензи и Д. Ейтс (р. 70–86) хорошо описывают рынок культурных ценностей. Например, в отношении этих последних механизм конвертации работает очень специфически за счёт первоначальной их неучтённости. Так, не зарегистрированные на этапе нелегальной добычи артефакты продаются местными жителями развивающихся стран за небольшие деньги посредникам, которые через коррупционные связи с чиновниками и силовиками вывозят культурные ценности в другие страны мира. Затем товар разными путями легализуется и только потом достигает покупателя, с которым совершаются анонимные сделки. Затруднительность обнаружения археологических грабежей заключается в том, что о существовании предмета древности становится известно только после его нахождения, и если артефакт был добыт с целями его незаконного сбыта, то легализуется он не сразу. Данный рынок можно отнести к легитимным как с позиции поставщиков, так и с позиции потребителей, однако в отношении разграбленных культурных ценностей наблюдается не только публичное неодобрение, но и частная лояльность. На наш взгляд, это свойственно также рынку алкоголя, когда осуждается общественное

пьянство, но допускается индивидуальное потребление не только легальной, но и нелегальной алкогольной продукции.

Именно рынок нелегального алкоголя, несмотря на парадоксальность приведённых в книге примеров нелегальных рынков, является наиболее неоднородным и непредсказуемым. Границы его легальности и легитимности перемещаются не только в силу разного рода реклассификаций, но и в связи с тем что алкоголь совершенно особый товар, который, обладая наркотическими свойствами, крепко укоренился в культуре общества. Рынок алкоголя обеспечивает доходность государства и бизнеса, несопоставимую с доходностью от реализации других продовольственных товаров, а его расширение усиливает угрозы безопасности общества в том числе за счёт существенной нелегальной и криминальной составляющей. Парадоксальность алкоголя как особого предмета потребления показана В. Радаевым на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований Высшей школы экономики [Новиков 2016: 201–202]. С одной стороны, алкоголь вызывает зависимость, трансформирует образ жизни, здоровье, влияет на смертность, а поэтому является предметом социального и правового регулирования. С другой стороны, он выступает символическим средством изменения социального статуса, отношений, неотделим от культуры общества и российской повседневности [Новиков 2016: 201–202]. Согласно выводам В. Радаева, тема потребления алкоголя важна и значима для общества, так как она не оторвана от существующей реальности и затрагивает множество разнородных объектных сфер, выступает своеобразным «индикатором-ключом» для социологии [Новиков 2016: 201–202]. Глава В. Радаева о разнородных рынках нерегистрируемого алкоголя, представленная в рецензируемой книге (р. 218–241), будто продолжает мысль, высказанную на семинаре. Автор показывает ещё один срез темы алкоголя как индикатора-ключа, демонстрируя всю парадоксальность перемещения границ между легальным и нелегальным, легитимным и нелегитимным на рынках домашнего, контрафактного и неучтённого алкоголя промышленного производства. Очень точно к нелегальным рынкам алкоголя В. Радаевым применяется метафора «кривых зеркал» —искажённого отражения легальных рынков, производящего неожиданные эффекты то схожести с этим рынком, то кардинально отличающейся от него. Так, элементы нелегальности присущи легальным алкогольным изделиям, транзакциям и организациям и, наоборот, нелегальные рынки, могут, например, воспроизводить характеристики легального рынка и трансформироваться в легальные. При этом границы легальности менее размыты, чем границы легитимности. В. Радаев отмечает, что легализация и делегализация алкоголя в обществе являются быстро протекающими процессами, тогда как легитимность, напротив, представляет собой затянувшийся медленный процесс, связанный с культурой общества. Сохранение легитимности по отношению к нелегальному алкоголю объясняется неосведомлённостью и толерантностью. Что касается толерантности, то производство и продажа нелегального алкоголя оправдываются необходимостью выживания или культурными традициями. На нелегальный рынок алкоголя влияет и толерантное отношение к нему лиц, осуществляющих правоприменение, что снижает эффективность их практик. Из-за неосведомлённости у потребителя сильно ограничены возможности идентификации приобретаемой алкогольной продукции. Парадоксально, но осведомлённость людей о некоторых аспектах её нелегальности может не менять восприятие легитимности покупки и потребления такого алкоголя. В свою очередь, легитимация незаконной продажи кустарного алкоголя в сельской местности может приводить к привычной нелегальной деятельности, осуществляемой местными жителями, что при условии толерантности акторов правоприменения всесторонне легитимирует нелегальные рыночные обмены. Это так же показывает, что, вопреки распространённому стереотипу, незаконные действия далеко не всегда осуществляются членами нелегальных организаций и преступных группировок, а могут быть элементом образа жизни рядовых граждан.

В равной степени нелегальная деятельность может быть незапланированной, совершённой под влиянием различных обстоятельств внешне законопослушными гражданами. Например, С. Диун (р. 159–176) описывает интерфейс между марихуаной как запрещённым товаром и законными потребностями

тяжелобольных людей, когда потребители вынужденно связаны с нелегальным рынком наркотических веществ, используемых ими для облегчения телесных страданий. Это в равной степени справедливо и для случаев легитимации товаров и действий в том или ином сообществе. Как показывают результаты других исследований, приведённых в книге, в незаконные сделки с человеческими органами (Ф. Штайнер), в археологическое разграбление культурных ценностей (С. Маккензи и Д. Ейтс), контрабанду запрещённых товаров (К. Эндрес) вовлечены в большей степени не профессиональные преступники, а беднейшие слои населения, вынужденные обеспечивать продажей своих органов, нелегальными раскопками и торговлей контрабандными товарами минимальный доход, что для них является вполне легитимным занятием. Таким образом, нелегальная деятельность способна генерировать легитимные источники дохода. Более того, на этой почве нелегальные практики выступают элементами стратегий экономического развития в разных странах.

Роль государства в становлении нелегальности на рынках

Противопоставление государства рынку давно ушло в прошлое, и нелегальные рыночные обмены не исключение. Как заявляют редакторы сборника, государству отводится ведущая роль в становлении нелегальных рынков (р. 2–3). Подчёркивается, что интегрированность государства в поле нелегальных рыночных обменов способствует структурированию конкуренции и обеспечению стабильности социальной организации нелегальных рынков. Практически все участники издания в той или иной мере указывают на роль государства в возникновении, становлении и закреплении нелегальной деятельности через создание формальных правил, их избирательное соблюдение и бездействие, а также через поддержание или игнорирование неформальных механизмов и содействие легитимации нелегальных рыночных обменов. В терминах А. Портеса, это не что иное, как парадокс государственного контроля [Портес 2003: 43–45]. За этим во многом стоит описанное Я. Кузьминовым, В. Радаевым, А. Яковлевым и Е. Ясиным стремление власти поддерживать институциональный разрыв между формальными правилами и неформальными деловыми практиками в качестве удобного элемента властного механизма, ставящего в зависимость участников рынка через их стигматизацию как нарушителей [Кузьминов et al. 2005: 12–13]. В рецензируемой книге показаны некоторые причины, способствующие поддержанию такого разрыва.

Во-первых, в становлении нелегальных рыночных обменов государство может видеть стратегию экономического развития, когда в сложной экономической ситуации выгодна легитимация незаконных источников дохода для поддержания минимального уровня выживаемости малообеспеченных слоёв населения и сглаживания безработицы. В связи с этим особенно ярко демонстрируется вовлечённость в нелегальную деятельность малообеспеченных слоёв населения — на примере торговли добытыми культурными артефактами, собственными органами, контрабандными товарами, а также заинтересованности правительства Аргентины в жизнеспособности рынка контрафактной одежды. Идея неформальной экономики как «арены выживания бедных», свойственной развивающимся странам, малому бизнесу, малоимущим гражданам, не нова, ведь ещё в 1970-е гг. под влиянием выводов К. Харта обсуждались возможные пути поддержки неформального сектора экономики в развивающихся странах [Барсукова 2017: 24–25]. Однако такой подход вскоре стал вытесняться, и сегодня он уже не имеет прежнего веса. Хотя значительная часть исследований сборника выполнена на материале развивающихся стран, авторы указывают на совершенно другие причины одновременного расширения неформальной экономики; например, в развитых странах (через трансграничные и онлайн-сделки); стабильных секторах экономики (в алкогольной индустрии); зарекомендовавших себя организациях (в антикварных бутиках) и высокостатусных группах населения (среди покупателей трансплантантов и культурных ценностей). Кроме того, делается вывод, что нелегальная деятельность легитимируется там, где ею занимаются с целью выживания, и, напротив, морально осуждается, если она производится в среде высокостатусных групп населения.

Во-вторых, институциональный разрыв поддерживается в целях обогащения чиновников и удовлетворения частных интересов власти. Б. Самуэль показывает, как власть, используя неформальные отношения с участниками нелегальных рынков, заручается их политической поддержкой в целях сохранения режима (р. 268–285). Согласно наблюдениям М. Дьюи (р. 123–140) возможность государственных органов производить законодательные изменения и манипулировать исполнением законов трансформируется в товар и продаётся как «защита», которая осуществляется через действия по прикрытию нелегальной рыночной деятельности, в том числе с помощью коррупционных связей с преступными группировками. В этнографических исследованиях М. Дьюи (р. 123–140) и К. Эндрес (р. 141–155) показано тесное переплетение интересов нелегального бизнеса (с его преступной составляющей) и государства на двух типах рынков (аргентинский рынок контрафактной одежды и центральный вьетнамский рынок). На исследуемых рынках царят неписанные правила и неформальные формы сотрудничества всех со всеми. К. Эндрес акцентирует внимание на коррупционных связях торговцев вьетнамского рынка с чиновниками, которые предоставляют возможности «покупки государственной защиты», избирательных проверок и санкций не только тем, кто занимается нелегальной деятельностью, но и преступным группировкам. В свою очередь, преступный мир, задобренный нелегальным рынком, тоже представляет собой элемент, используемый в тех или иных интересах власти, а поэтому он подкармливается чиновниками. Как справедливо отмечает С. Ю. Барсукова, государство в признанной им самим незаконной зоне экономики по объективным причинам не способно её регулировать, а поэтому прибегает к помощи преступных сообществ [Барсукова 2017: 160]. В результате незаконная деятельность поддерживается через неформальные правила, которые соблюдаются представителями органов власти и правопорядка.

Наконец, роль государства в становлении нелегальности на рынках товаров и услуг выражается не только в каких-либо действиях, или бездействии власти, но и в его слабости и бессилии. Н. Энгвигт (р. 200–201) описывает развитие нелегальной алмазной экономики за счёт неспособности государства эффективно противодействовать этому.

Заключение

В исследованиях авторы опираются на анализ широких социальных, культурных и политических контекстов, в условиях которых производятся неформальные рыночные обмены. Явление нелегального в книге рассматривается как неотъемлемая часть конкурентной борьбы, обязательный элемент капиталистической экономики и системы в целом. Подчёркиваются широкие масштабы нелегальности, присутствующей в том числе на легальных рынках.

На примере анализа организационных аспектов функционирования нелегальной экономики на рынках разного типа авторы книги убедительно демонстрируют размытость границ между легальными и нелегальными действиями участников рыночного обмена, легитимными и нелегитимными, формальными и неформальными его составляющими. Несмотря на заявленную важность рассмотренных во введении интерфейсов между нелегальностью и неформальностью, нелегальностью и легитимностью, нелегальностью и легальностью, всё же лейтмотив книги — эмпирическое установление и обозначение интерфейсов как точек пересечения преимущественно между легальным и нелегальным, легитимным и нелегальным, нелегитимным и нелегальным. На конкретных примерах показана парадоксальность взаимопроникновения этих явлений в условиях рыночной экономики.

Книга даёт представление о ландшафте нелегальности, которая рассматривается в тесной связи с явлениями легальности и легитимности. Выводы авторов расширяют понимание не только феномена нелегальности, но и других элементов неформальной экономики.

Вместе с тем, поскольку идея заключается в том, чтобы сделать шаг к конструированию экономико-социологической перспективы исследования нелегальных рыночных обменов, в книге было бы уместно на концептуальном уровне предметно поставить вопросы о роли укоренённых связей в становлении и укреплении явления нелегальности в экономике. Согласно Б. Уцци, укоренённость как логика обмена «формирует мотивы, ожидания, координирует адаптацию акторов» [Уцци 2007: 45], а выводы М. Грановеттера показывают, что без неё едва ли возможна организация сложных схем взяток и подтасовок [Грановеттер 2002: 54]. Акцент на укоренённости и её чертах при анализе содержания и структуры связей участников нелегальных рыночных обменов позволил бы обогатить представленные исследования, тем более в выводах авторов, безусловно, присутствует намёк на развитие этой темы.

Литература

- Барсукова С. Ю. 2003. Неформальная экономика: понятие, структура. *Экономическая социология*. 4 (4): 15–36. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204954/ecsoc_t4_n4.pdf#page=15
- Барсукова С. Ю. 2017. *Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Барсукова С. Ю., Радаев В. В. 2012. Неформальная экономика в России: краткий обзор. *Экономическая социология*. 13 (2): 99–111. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf#page=99
- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44
- Котельникова З. В. 2015. Международная конференция «Интерфейсы легальности и нелегальности на рынках», 5–6 февраля 2015 г., Кёльн, Германия. *Экономическая социология*. 16 (2): 101–109. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2015/03/30/1095767324/ecsoc_t16_n2.pdf#page=101
- Кузьминов Я. И. et al. 2005. Институты: от заимствования к выращиванию. *Вопросы экономики*. 5: 5–27.
- Новиков Г. Е. 2016. Нужно ли заниматься крупными темами в социологии? Семинар лаборатории экономико-социологических исследований. *Экономическая социология*. 17 (4): 201–205. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/09/30/1122157089/ecsoc_t17_n4.pdf#page=201
- Портес А. 2003. Неформальная экономика и её парадоксы. *Экономическая социология*. 4 (5): 34–53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=34
- Уцци Б. 2007. Источники и последствия укоренённости для экономической эффективности организаций: влияние сетей. *Экономическая социология*. 8 (3): 44–60. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204937/ecsoc_t8_n3.pdf#page=44
- Флигстин Н. 2013. *Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Anteby M. 2018. Jens Beckert and Matias Dewey (eds): The Architecture of Illegal Markets: Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy. *Administrative Science Quarterly*. 63 (4): 40–42.

Beckert J., Dewey M. (eds) 2017. *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. Oxford: Oxford University Press.

Beckert J., Wehinger F. 2013. In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*. 11 (1): 5–30.

Wehinger F. 2011. Illegale märkte: Stand der sozialwissenschaftlichen forschung. *MPIfG Working Paper*. 11/6. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/50554/1/669692603.pdf>

NEW BOOKS

Yuliya Belova

Paradoxes Legality—Illegality—Legitimacy Intersections in the Architecture of Markets

Book Review: Beckert, J, Dewey M. (eds) (2017) *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*, Oxford: Oxford University Press. 304 p.

BELOVA, Yuliya — PhD in sociology, Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: ybelova@hse.ru

Abstract

Boundaries of illegality in markets for goods and services are blurring. These boundaries are associated with the development of capitalist relations. The illegality becomes pervasive and gains increasingly sophisticated links with formal legality and social legitimacy. At the same time, the role of the state in the illegal market exchanges is intensified by preserving the institutional gap between formal and informal rules. In this respect, the book *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy* develops a non-trivial research task for the modern economic-sociological paradigm. Its authors contest the

existence of boundaries between the phenomena of legality and legitimacy, including mechanisms for compliance with informal rules within formal institutions that regulate illegal markets. The purpose of this review is to demonstrate the paradoxical interdiction of legality and legitimacy that the book's authors describe, using the metaphor of interfaces that build the essence of illegal market architectures. The review reference points are the most important topics that the authors of the conference proceedings mention, such as the types and components of illegality in the markets of goods and services; the question of the boundaries between legality, illegality, and legitimacy; and the role of the state in the development of illegality in the markets. This text concludes that the book draws the landscape of illegality, which is viewed in close association with the phenomena of legality and legitimacy. The authors' research goes beyond the phenomenon of illegality and expands the understanding of the informal economy constituents.

Keywords: illegality; illegal market; informal economy; social legitimacy; markets; legality.

References

- Anteby M. (2018) Jens Beckert and Matias Dewey (eds): *The Architecture of Illegal Markets: Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. *Administrative Science Quarterly*, vol. 63, no 4, pp. 40–42.
- Barsukova S. Yu. (2017) *Esse o neformal'noy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Grey], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Barsukova S. Yu. (2003) *Neformal'naya ekonomika: ponyatie, struktura* [Informal Economy: Concept, Structure]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 4, no 4, pp. 15–36. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204954/ecsoc_t4_n4.pdf#page=15 (accessed 30 October 2019) (in Russian).

- Barsukova S. Yu., Radaev V. V. (2012) Neformal'naya ekonomika v Rossii: kratkiy obzor [Informal Economy in Russia: A Brief Overview]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 2, pp. 99–111. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf#page=99 (accessed 30 October 2019) (in Russian).
- Beckert J., Dewey M. (eds) (2017) *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of illegality in the Economy*, Oxford: Oxford University Press.
- Fligstein N. (2013) *Arkhitektura rynkov. Ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka* [The Architecture of Markets. An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoe deystvie i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 3, pp. 44–58. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44 (accessed 30 October 2019) (in Russian).
- Kotel'nikova Z. V. (2015) Mezhdunarodnaya konferentsiya «Interfeysy legal'nosti i nelegal'nosti na rynkakh», 5–6 fevralya 2015 g., Kyol'n, Germaniya [International Conference “Interfaces of Legality and Illegality in Markets,” February 5–6, 2015, Cologne, Germany]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 2, pp. 101–109. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2015/03/30/1095767324/ecsoc_t16_n2.pdf#page=101 (accessed 30 October 2019) (in Russian).
- Kuz'minov Ya. I., Radaev V. V., Yakovlev A. A., Yasin E. G. (2005) Instituty: otzaimstvovaniya k vyrashchivaniyu [Institutions: From Borrowing to Cultivation]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 5–27 (in Russian).
- Novikov G. E. (2016) Nuzhno li zanimat'sya krupnymi temami v sotsiologii? Seminar laboratorii ekonomiko-sotsiologicheskikh issledovaniy [Do You Need to Deal with Major Topics in Sociology? Seminar of the Laboratory of Economic and Sociological Research]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 4, pp. 201–205. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/09/30/1122157089/ecsoc_t17_n4.pdf#page=201 (accessed 30 October 2019) (in Russian).
- Portes A. (2003) Neformal'naya ekonomika i yeye paradoksy [The Informal Economy and Its Paradoxes]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 4, no 5, pp. 34–53. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=34 (accessed 30 October 2019) (in Russian).
- Ucci B. (2007) Istochniki i posledstviya ukorenennosti dlya ekonomicheskoy effektivnosti organizatsiy: vliyaniye setey [The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 8, no 3, pp. 44–60. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204937/ecsoc_t8_n3.pdf#page=44 (accessed 30 October 2019) (in Russian).
- Beckert J., Wehinger F. (2013) In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*, vol. 11, no 1, pp. 5–30.
- Wehinger F. (2011) Illegale märkte: Stand der sozialwissenschaftlichen forschung. *MPIfG working paper*: 11/6. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/50554/1/669692603.pdf> (accessed 30 October 2019) (in German).

Received: November 3, 2019

Citation: Belova Y. (2019) Paradoksy peresecheniya legal'nosti, nelegal'nosti i legitimnosti v arkhitekture rynkov [Paradoxes Legality—Illegality—Legitimacy Intersections in the Architecture of Markets. Book Review on Beckert J., Dewey M. (eds) (2017) *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*, Oxford: Oxford University Press. 304 p.]. *Journal of Economic Sociology* = *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 5, pp. 174–187. doi [10.17323/1726-3247-2019-5-174-187](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-5-174-187) (in Russian).